

КОРОЛЕВСТВО КУРДИСТАН (1919, 1922–1924 гг.) КАК ПОВСТАНЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД БРИТАНСКОГО МАНДАТА

© 2025

К. В. Вертяев¹

Статья посвящена анализу возникновения и кратковременного существования королевства Курдистан под руководством шейха Махмуда Барзанджи в период британской оккупации Южного Курдистана и мандата над Ираком, имевшего признаки повстанческого государства, возникшего после Первой мировой войны. В статье кратко анализируется феномен курдского повстанчества и дается анализ исторического контекста и британской политики в отношении курдов, подавления повстанческих движений, включая использование т.п. «Small War Doctrine» в колониальной политике — стратегии, разработанной британской армией в XIX — начале XX века для подавления восстаний и партизанских движений в колониях.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Королевство Курдистан, Махмуд Барзанджи, повстанческое государство, федерализм, гибридный суверенитет, оккупация, мандат, британская политика

Для цитирования: Вертяев К. В. Королевство Курдистан (1919, 1922–1924 гг.) как повстанческое государство в период британского мандата. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 159–168. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-159-168

KINGDOM OF KURDISTAN (1919, 1922–1924) AS AN INSURGENT STATE DURING THE BRITISH MANDATE

Kirill V. Vertiaev

This article analyses the emergence and short-term existence of the Kingdom of Kurdistan under Sheikh Mahmud Barzanji during the British occupation and mandate, which had the characteristics of a rebel state that emerged after World War I. The article briefly analyses the phenomenon of Kurdish insurgency and provides an analysis of the historical context and British policy towards the Kurds, including the use of the so-called “Small War Doctrine” in colonial policy - a strategy developed by the British army in the 19th and early 20th centuries to suppress uprisings and guerrilla movements in the colonies.

Keywords: Iraqi Kurdistan, Kingdom of Kurdistan, Mahmoud Barzanji, insurgent state, federalism, hybrid sovereignty, occupation, mandate, British policy

For citation: Vertiaev K. V. Kingdom of Kurdistan (1919, 1922–1924) as an Insurgent State During the British Mandate. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 159–168. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-159-168

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezkh@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Political Studies), senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; kitezkh@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3533-3684

Как известно, курдский вопрос — это комплекс проблем, связанных с борьбой курдского народа за самоопределение, культурные и политические права в странах, где они проживают: Турции, Ираке, Сирии и Иране. Борьба за самоопределение курдов нередко принимала форму попыток создания повстанческих государств, которые жестоко подавлялись. Таким было, например, Королевство Курдистан под руководством Махмуда Барзанджи в Сулеймании начала двадцатых годов прошлого века — тогда британцы даже использовали отравляющие газы против восставших курдов. Можно вспомнить Араратскую республику начала тридцатых или восставший против репрессивной турецкой политики курдский Дерсим в 1937 г. Сюда же можно отнести и повстанческое движение Мустафы Барзани в Ираке. Безусловно, в этой череде курдских повстанцев выделяется созданная в 1978 году Абдуллой Оджалом Партия Рабочих Курдистана (ПРК).

Сразу после окончания Первой мировой войны в 1918 г. Месопотамия и Южный Курдистан неоднократно становились свидетелями восстаний против британского правления. Британцы жестоко подавляли эти восстания, используя военную силу в период 1919–1924 гг, а также авиацию, бомбы и газы.

Как утверждали британские донесения, в послевосстной ситуации курды были «политически некомпетентны в своей реакции на сложившиеся условия»². Плохие коммуникации, расхождение курдского сообщества, соперничество и враждебный характер межплеменных связей делали невозможным представление единой курдской политической позиции в период послевосстного самоопределения наций и народов. Как следует из британских архивных источников, в целом большинство курдских ага (землевладельцев) и шейхов после распада Османской империи были бы рады поддержать британские планы, поскольку они включали управление через традиционную систему патронажа, но подчинение арабскому правлению было для многих курдов категорически неприемлемо.

Легитимация Ирака — в противовес навязанному под видом мандатного режима британскому протекторату, который институционально подразумевал установление в Месопотамии монархического шарафитского режима (1921–1958 гг.), присутствует с момента всиракского восстания 1920 года, жестоко подавленного Британией, в рамках которого такое повстанческое государство, как Королевство Курдистан под руководством шейха Махмуда Барзанджи, заслуживает отдельного анализа, тем более что оно оказало прямое воздействие не только на становление и подъем курдского национализма, но и на приведение в действие маховика процессов, в результате приведших к возникновению здесь автономного Региона Курдистан в составе Ирака, претендующего на полную независимость. Библиографическим базисом для такого изучения обладают в основном британский архивный массив по линии британских министерств (Форин Офиса, Министерства по делам Индии, Военного министерства), а также мемуарная литература.

Для целей данной статьи мы определяем повстанцев как территориально базирующиеся группы с собственными политическими и военными силами (силами самообороны), которые организованы и политически ориентированы на свержение любого правительства (оккупационного или местного), которое не соответствует их идеалам или являлось нелегитимным с целью утверждения и легитимации собственной власти на контролируемой ими территории. Повстанчество также нередко понимается как «обращение коренных народов в противодействие оккупации или угнетению» [I. Bekket, 2006]. К сожалению, в отечественной литературе феномен повстанчества и его

² Copy of a confidential memo № S.C/155/4 dated 17th July 1920, from the Political Officer. Источник: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100136722016.0x00001d (дата обращения: 18.06.2025).

актуализации в форме де-факто государств изучено довольно поверхностно, что связано с прева-лировавшим еще в советское время императивом национально-освободительных движений наро-дов Азии и Африки, нередко принимавших формы повстанческих государств (ИГ) [К. V. Vertiaev, 2024, с. 196–204].

Для подавления повстанческих движений Великобританией использовалась т. н. «Small War Doctrine» в колониальной политике. «Доктрина малых войн» — это стратегия, разработа-ная британской армией в XIX — начале XX века для подавления восстаний и партизанских движе-ний в колониях. Она была изложена в работе «Small Wars: Their Principles and Practice» [Callwell, 1896] — «библии» британской колониальной стратегии. Эта практика сочетала ограниченное военное вмешательство, психологическое давление и контроль над местным населением, чтобы минимизировать потери и затраты при сохранении имперского господства, то есть использова-ние «научного» насилия. Британцы применяли избирательные репрессии: карательные экспеди-ции, разрушение деревень, взятие заложников. Королевские ВВС (RAF) использовали самолеты для разведки, морального террора (бомбежки деревень без предупреждения), химических атак (иприт против курдов в 1920-х), продовольственные блокады, тактику выжженной земли (как во время Англо-Бурской войны 1899–1902 гг.). Происходило оправдание жестокости как «вос-становления порядка» или «борьбы с варварством». [Hart, 1932].

Примерами применения такой доктрины могут служить Ирак (1920–1924) — подавле-ние восстания с помощью авиации, газа и карательных операций; Афганистан (1919–1921), бом-бардировки пуштунских племен, Малайя (1940–1950-е) — поздняя адаптация доктрины против коммунистических партизан. Британские историки (такие как Чарльз Тауншенд) отмечают, что доктрина вела к циклам насилия: жесткие меры лишь провоцировали новые восстания. Эта док-трина — ключ к пониманию, почему Британская империя могла удерживать колонии малыми силами, но цепой систематизированной и избирательной жестокости [Townshend, 2010]. Осо-бую чувствительность для британской колониальной политики в Ираке вызывали так называемые «акты возмездия» (в международном праве — reprisals), когда в ответ на убийства англий-ских офицеров Великобритания предпринимала действия карающего свойства, как-то бомбар-дировки королевскими ВВС непокорных племен, использование отравляющих газов как против арабов, так и курдов³. Именно в Ираке Британия осознала эффективность использования ВВС для бомбардировки повстанцев.

Попытка проанализировать курдское национальное движение с точки зрения подходов, характерных для повстанческого государства (ПГ), выглядит оправданной сразу после окончания Первой мировой войны на фоне явного кризиса и определенной несостоятельности утверждав-шейся тогда новой Версальской (пост-Вестфальской) международной правовой системы, в кото-рой не учитывались права курдов на самоопределение, несмотря на то, что принцип права наций на самоопределение был для этой системы основополагающим.

Формально война закончилась 11 ноября 1918 года, она оставила после себя несколько зон непрекращающегося послевоенного насилия, поскольку распад империй — от Балкан до Кав-каза и Ближнего Востока — создал пространства без порядка или определенной государствен-ной власти.

Прекращению насилия нередко способствовало медиаторство шейхов, которые таким образом обрели политическую власть здесь еще с середины XIX века. Шейх Махмуд Бар-занджи — яркий пример одного из них. Ниже мы увидим, что после Первой мировой войны

³ URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 12.06.2025).

Королевство Курдистан имело признаки повстанческого государства с 1919 года, а главным антагонистом Махмуда Барзанджи стала британская оккупационная власть.

Шейх Махмуд Барзанджи, на которого британцы возложили в 1918 г. обязанности быть их представителем в Курдистане, происходил из знатного рода. Как пишет доктор Рафик Хильми, находившийся рядом с шейхом Махмудом в тот беспокойный период, «шейх Махмуд — сын шейха Саида, внука покойного шейха Кака Ахмеда. История этой семьи начинается во времена правления Бебе (династии Бабаи), почти сто пятьдесят лет назад (начало XIX века. — К.В.). Шейх Кака Ахмед (мир ему) был сыном шейха Марифа из Нода. Последний был самым старшим поповедником тариката кадири, он был известен как праведник и большой почитатель Всевышнего. По этой причине народ Курдистана смотрел на него с большим уважением, обожанием и почтением, настолько, что многие люди в сельском Курдистане и последователи племен пели ему хвалу, говорили о его великой чести и мудрости и клялись его именем. Святилище Кака Ахмеда находится в Сулеймании и посещается регулярно, а также во время религиозных и особых праздников большинством людей из города и из далеких городов и деревень. Святилище стало известным местом паломничества для большинства курдов в Южном Курдистане. Это почтение сделало потомков семьи одипаково уважаемыми и почитаемыми и привело к их славе и богатству. Поэтому они пользуются таким же уважением, как и сам шейх Ахмед» [R. Hilmi, 2017].

Это обожание и почтение перешло к его сыновьям и внукам, в частности, к шейху Мустафе Накибу и шейху Саиду, отцу шейха Махмуда. В свое время шейх Махмуд вместе со своим отцом посетил Константинополь, где был представлен султану Абдулхамиду. После визита между султаном и шейхом Саидом, отцом Махмуда, была установлена прямая телеграфная связь для оперативного решения различных вопросов. Несмотря на это, шейх Махмуд унаследовал огромное влияние своего отца в Сулеймании, а также его активную оппозицию османским властям.

Еще во время военных действий стран Антанты против Османской империи в 1917 г. шейх Махмуд Барзанджи установил контакты с британскими военными. Несмотря на данные османскому правительству формальные обязательства, шейх вновь предложил свою помощь британским войскам, когда они приблизились к полному контролю над вилайетом Мосул в октябре 1918 года. Менее чем через неделю после взятия Киркука гражданский комиссар в Багдаде Арнольд Вильсон уполномочил другого политического офицера — майора Ноэля назначить шейха Махмуда представителем британских властей в Сулеймании.

Однако позже местное курдское повстанческое движение явилось естественным ответом на британские экспансионистские действия, причем не только со стороны шейха Махмуда. В рамках британской политики по сбору информации о спорном регионе, где будет создано армянское или курдское государство, британский офицер Уильям Эйнджер подготовил довольно интересный отчет о районе Вана и границе с Ираном. В его отчете от 1 марта 1919 года были перечислены все лидеры, списки имен и силы курдов в регионе Урмия. Как можно понять из отчета, количество их оружия увеличилось после Первой мировой войны, однако можно заметить, что их силы на самом деле значительно сократились. При этом «в отчете нет никакой информации о том, кто предоставил это оружие курдским племенам» [PRO, AIR 20/512]. У. Э. Вигрэм заявил, что «курдское видение независимости было в единстве курдов, хотя это и кажется так, но они не смогли удержаться от выражения того, что это единство не охватывает всех курдов» [PRO, AIR 20/512]. По словам Вигрэма, если это единство расширится таким образом, что охватит весь курдский народ, это будет первый случай в истории курдского движения. Опять же, если бы курдских вождей племен оставили в покое под надзором британских консультантов и если бы их набеги на окружающие регионы были предотвращены, то такое освободительное движение, по мнению

Вигрэма, могло бы произойти само по себе. Этот военный считал, что уважение курдов к Великобритании и другим странам связано с тем, насколько эти страны сильны, и полагал, что Британия может использовать это уважение, чтобы реализовать свои планы в отношении региона» [PRO, AIR 20/512].

У шейха было совершенно иное понимание будущего государственного устройства. Он не предполагал, что его власть будет ограничена территориально, и не считал, что власть исходит от британцев. Напротив, по его мнению, его признали из-за его морального авторитета над курдами, и в это определение он включил всех курдов вилайета. Власть Махмуда Барзанджи основывалась на высокоперсонифицированной форме правления на основе принципов, которые пронизывали общество, особенно в религиозных и племенных слоях курдов.

Среди британских офицеров, в первую очередь со стороны Вильсона, стала возникать оппозиция консолидации власти в руках шейха Махмуда. Понимая опасность предоставления шейху слишком большой власти и более широких полномочий, чем он уже имел, британцы провели в марте 1919 года совещание и решили ограничить его влияние. В качестве первой меры вместо Ноэля британцы назначили майора Соуна. Этот бывший сотрудник Иранской нефтяной компании и непревзойденный эксперт по южному Курдистану, как известно, ненавидел семью Барзанджи, особенно шейха Махмуда, вплоть до того, что называл его сторонников «негодяями и убийцами», и не чувствовал необходимости скрывать эту ненависть в 1919 году [Records of the Kurds, 2016, vol. 5].

В то время как прокурдски настроенный майор Ноэль был направлен с миссией в северный Курдистан, Соун был назначен вместо него политическим представителем в Сулеймании и сразу заменил курдов в местной администрации на индийцев, британцев и арабов.

Одной из причин утери доверия среди курдов являлось и то, что для целей строительства дорог и мостов в регионе Сулеймании Соун нанял большое количество курдов, арабов и иранцев под контролем курда-фаили по имени Азиз Хан, поставив его начальником над ними. Азиз Хан, по воспоминаниям Хильми, был «тщеславным, вспыльчивым, неграмотным человеком, стал настолько могущественным, что после Соуна он считался главным» [Hilmi, 2017]. Среди руководителей, поставленных над курдами, были те, кто едва мог написать свои собственные имена. Они были заняты строительством дорог, тратя при этом большие деньги. Однако большая часть этих денег, которые в больших количествах выходили из государственной казны, находилась в распоряжении Азиза Хана через его агентов и оттуда выше, и, как ходили слухи среди курдов, деньги в конечном итоге возвращались в карман Соуна, единственного реального губернатора региона Сулеймании. [Hilmi, 2017].

Поэтапная политика Вильсона по подрыву курдского реального самоуправления не оставила Махмуда и националистическому окружению вокруг него иного выбора, кроме как восстать против британских властей в Багдаде, обвинив их не только в отказе от своих предыдущих обещаний, но и в разрушении того, чего курды достигли к настоящему моменту. Это восстание было спонтанной реакцией на новую политику прямого правления Вильсона и не имело ничего общего с антибританской деятельностью младотурецкого движения.

Восстание началось 22 мая 1919 года с ареста всех британских политических и военных чиновников в Сулеймании. Оно получило поддержку от некоторых курдов из Восточного Курдистана, которые совместно захватили регион Халабджа, включая сам город. Несмотря на очевидную надежду Махмуда на переговоры и отсутствие кровопролития к этому моменту, Вильсон дал военный отпор повстанцам, надеясь «положить конец, раз и навсегда, автономному курдскому образованию» [Eskender, 2012].

Целью шейха Махмуда было создание независимого королевства Курдистан, фактически просуществовавшего как типичное повстанческое государство (с перерывами с 1919 по 1924 г.) и ограниченной территорией, охваченной восстанием лояльных ему сторонников. Пропагандируемая им идея «свободного объединенного Курдистана» предполагала, что шейх Махмуд будет националистом, и это так: он не только верил в курдское политическое образование под своей собственной властью, но и справедливо полагал, что представляемое им самоопределение курдов было фактически тем, что обещали союзники. «Привязанным, как талисман, к его руке» был Коран, на форзацах которого были написаны на курдском языке тексты двенадцатого пункта Вудро Вильсона и англо-французской декларации от 7 ноября» [Wilson, 1931, p. 56]. Он был сайидом, шейхом, и язык, который понимали его избиратели, был языком ислама. В 1919 году он призывал к джихаду, а не к национально-освободительной борьбе. [McDowall, 2020]. Более того, его стиль заключался в использовании родственных и племенных связей, а его целью было установление личного феодального владения. В допесении мы читаем: «Печально известная алчность и кумовство шейха Барзинджи была явным сдерживающим фактором для многих местных курдов, поэтому именно племенные союзники из Ирана, хаврами (хаврамари) под руководством хана Махмуда Дизли и мариви (мариван) под руководством Махмуда Хана, спровоцировали восстание» [FO 371/4191]. Однако этот посыл из донесения опровергается последующими фактами: именно племя мериван из Персии поддержало восстание шейха племенными вооруженными силами. Британцы не учитывали, что в этот момент в состоянии восстания пребывали практически все курдские регионы: крупнейшим было восстание Исмаила Симко в Иранском Курдистане, также нацеленное на создание независимого Курдского государства.

Таким образом, в апреле 1919 г. шейх Махмуд внезапно привел группу сторонников из-за иранской границы — 300 человек из племен хавраман и мериван, заключил британских офицеров в тюрьму в Сулеймании, перерезал все коммуникации и провозгласил независимость Королевства Курдистан. Поскольку телеграфное сообщение между Сулейманией и Киркуком было прервано, новости о взятии города достигли Багдада через два дня через Халлабджу и Ханакин. Как пишет Хильми, Вильсон лично вылетел в Сулейманию и кружил на самолете, сбрасывая листовки. В них он призывал Махмуда отправиться в Багдад на встречу. Шейх Махмуд выдвинул некоторые условия для поездки в Багдад и передал свое сообщение через отпущенных британских офицеров [Hilmi, 2017, p. 93].

Лондон в переписке форин-офиса подчеркнул необходимость срочного подавления восстания, поскольку выжидательная позиция племен превратится в движение, и если Британия немедленно не подавит шейха Махмуда, то вспышка будет повторена курдами Ирана и Мосула, а также Месопотамии; что крайне важно сохранить Сулейманию под эффективным контролем, учитывая ее особое положение по отношению к Багдаду, Мосульским вилайетам и Персидскому Курдистану [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, p. 431]. При этом британцы понимали, что отступление из Сулеймании будет означать потерю ими лица.

Британские архивы свидетельствуют: «на помощь шейху Махмуду пришло племя авромани, жившее примерно в 40 милях к юго-востоку от Сулеймании за персидской границей, они послали около 100 пешехов и 50 всадников под командованием Махмуд-хана Дизли; племя хамаванд послало подразделение под руководством Карима Фаттах» [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, p. 432].

23 мая воздушная разведка британцев сообщила, что Сулеймания полна вооруженных людей, численность которых оценивается в 1500 пехотинцев и 500 конников. На следующий день небольшой отряд был отправлен для разведки дороги от Киркука до перевала Ташлуджа, примерно

в 14 милях от Сулеймании; он подвергся нападению курдов и был вынужден отступить в Чамчамал. 25-го разведывательный самолет близ Пиради был подбит курдами⁴.

Используя бомбардировки и предательство конкурирующих вождей, восстание Махмуда подавили в течение месяца [Мгои, 1991, с 31–32]. Шейха Махмуда отправили в Багдад и приговорили к смертной казни, но главнокомандующий заменил ее десятилетней ссылкой в Индию. Административная была реорганизована и передана под непосредственный контроль комиссара Соуна.

Через пару лет прямое подчинение британцами Южного Курдистана иракскому правительству в Багдаде без определения его политического статуса вызвало резкие протесты со стороны курдов. Сулеймания не участвовала в референдуме о признании короля, состоявшемся в июле 1921, Киркук участвовал частично. Не отправив своего представителя на церемонию коронации, состоявшуюся в Багдаде 23 августа 1921 г., курды ясно показали, что не признают королевскую власть Фейсала и поставили под сомнение королевский режим.

У Британии начались проблемы с проникновением регулярных турецких сил и восставшими курдскими племенами в северном Ираке, которые продвинулись на территорию на расстояние в сорок миль от Киркука. Курдские отряды атаковали военные посты, перерезали коммуникации и отказались платить палог после установления британского мандата. Британцы применили комбинированную тактику, ставшую их «фирменным стилем» в колониальных войнах. Активно использовались ассирийские легионеры (лояльные британцам христианские отряды): они проводили зачистки деревень, выявляя повстанцев. Британская пехота (в основном Королевские стрелки) блокировала горные районы. Как пишут в донесениях, «были сожжены деревни Баташ, Харир, Харватан. Были уничтожены запасы пшеницы, скота (около 70 голов), овец. Была взорвана мельница. Во время столкновений с курдскими стрелками легионеры потеряли убитыми трех пехотинцев и четырех всадников. Один самолет упал и был разрушен, пилот, сильно обгоревший, доставлен в Мосул. Содействие авиации было максимально эффективным. Потери повстанцев составили около 15–20 человек⁵.

Королевские ВВС бомбили курдские селения в Дашти Харир, вынуждая племена сдаваться. Это был один из первых случаев в истории массированного использования авиации против повстанцев (позже эта тактика применялась и против барзанцев). Британцы сжигали дома и конфисковывали скот у поддерживавших восстание племён. Лидеров сурчи принуждали к капитуляции под угрозой полного уничтожения. К июню 1921 года основные очаги восстания были подавлены, но партизанские атаки продолжались.

Жестокость операции радикализировала курдов, что позже вылилось во второе восстание шейха Махмуда Барзанджи (1922–1924). Операция в Дашти Харир стала типичным примером британской «малой войны» («Small Wars doctrine») в межвоенный период: сочетание авиации, местных коллаборационистов и карательных мер; игнорирование политических требований повстанцев в пользу силового решения.

В условиях наступления турецких инсургентов Британия в ноябре вернула из индийской ссылки Махмуда Барзанджи. Как указывалось в письме секретаря Гражданского комиссара в Багдаде, «это было связано со стабилизацией обстановки в стране (в Ираке. — К.В.)». В письме рекомендовалось разместить шейха сначала в Кувейте, прежде чем давать ему возможность вернуться в свою вотчину [Records of the Kurds, 2015, vol. 6].

Британия помиловала шейха Махмуда в сентябре 1922 года, чтобы справиться с растущей турецкой угрозой с севера, используя чувство курдского партикуляризма, которое в этот период

⁴ URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100148932216.0x000072 (дата обращения: 16.06.2025).

⁵ From Marshall, Arbil to Bagdad 13.09.1921 [Records of the Kurds, 2015, vol. 6].

характеризовалось растущим национальным сознанием неплеменных курдов в городах и на краю Месопотамской равнины и простиралось далеко за границы контроля Британии.

Когда британцы вернули шейха Махмуда, они возложили на него новую обязанность — поставили перед ним задачу защитить Сулейманию от турок и очистить регион от турецких войск. Это было их главным просчетом: британцы не учли или даже не предвидели возможность того, что Махмуд вступит в переговоры с турками с целью создания единого мусульманского фронта против британской системы мандата. Британские политические офицеры не приняли во внимание степень возможной мобилизации турок и курдов под исламистскими антиколонизальными лозунгами. При этом панарабистские планы хашимитского монарха глубоко беспокоили курдов.

Более того, существует несколько документальных свидетельств о контактах шейха Махмуда Барзанджи с советским правительством, включая письмо Ленину. Сохранилось донесение Орджоникидзе Ленину от июля 1921 года: «Курдский шейх Махмуд (Сулеймания) обращался к нам с просьбой о помощи против англичан. Передал письмо через своего представителя в Энзели» [РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 43]. Запись в журнале полпредства РСФСР в Тегеране (май 1921): «Курдский посланец от шейха Махмуда доставил письмо на имя Председателя СНК с просьбой о поддержке оружием» [АВП РФ. Ф. 090. Оп. 4. Д. 27. Л. 45]. Телеграмма Чичерина (1921 г.): «Шейх Барзанджи ищет контакта с Москвой, но его послание носит общий характер без конкретных предложений» [АВП РФ. Ф. 04. Оп. 39. Д. 52987].

В архивах India Office Records содержится перевод перехваченного письма шейха (1921): «Шейх именует Ленина «защитником угнетенных народов Востока» и просит помощи в борьбе с «английскими оккупантами» [IOR/L/PS/10/756]. Оригинал на курдском/арабском этого письма не сохранился. В своих воспоминаниях советский дипломат Ф. А. Ротштейн пишет: «В 1921 году через Персию к нам поступило обращение курдского лидера. Ленин поручил изучить вопрос, но помощь так и не была оказана». [Ротштейн, 1960, с. 78].

В записке по этому поводу у Э. Ноэля говорится: «Махмуд пытался играть на советско-британских противоречиях, но Москва не рискнула открыто поддержать его авантюру» [FO 371/6469]. Также шейх рассылал аналогичные письма турецкому Мустафе Кемалю и персидскому шаху [Курдское движение... 1987, с. 176–185]. Как отмечал Эдмондс, с самого начала своего хукумдарства шейх Махмуд Барзанджи претендовал на весь Мосульский вилайет и намеревался создать самостоятельное государство [Edmonds, 1957, p. 29].

Согласно требованиям Махмуда, все территории, на которых проживали курды в Ираке, должны быть присоединены к этому независимому государству, должна быть создана совместная комиссия для определения границ этого государства и государства Ирак, а сам он должен быть провозглашен королем. Однако британцы не сочли эту просьбу уместной и попытались нейтрализовать растущее движение повстанцев с помощью бомбардировок. Британские самолеты распространяли листовки вместе с проведением бомбардировок и объявляли, что бомбардировки будут продолжаться до тех пор, пока восстания не прекратятся [BOA, HR.IM. Box:13, Folder:28, 9 November 1922].

С другой стороны, курдское государство могло быть реализовано только при эффективной поддержке и помощи внешней силы. Чтобы завоевать доверие курдского народа, который не желал иметь никаких связей с арабским государством, по мнению британских политических офицеров, было бы полезно сохранить племенную систему и создать племенную конфедерацию на востоке и пояс небольших автономных государств к северу от Мосула. Однако сам Вильсон скептически относился к возможности и долговечности такого политического устройства. По его

мнению, поскольку курды не поддерживают ни автономию, ни конфедерацию, в конце концов придется вернуться к традиционной турецкой политике, предоставив курдские племена самим себе.

Шейх Махмуд Барзанджи хорошо осознавал неустойчивость позиций британцев в регионе. Он знал, что является единственной эффективной силой, способной остановить турецкую державу, усиливавшую свое влияние в регионе, и легко мог этого добиться. Взамен он хотел независимого Курдистана и признания Курдского королевства, что противоречило интересам британцев в тот период. Кроме того, власть шейха не признавали племена Киркука и Эрбиля.

После атаки британской армии в 1923 году шейх Махмуд и его сторонники бежали из Сулеймании, сделав пещеру Джасана своим убежищем. Здесь шейх установил печатный станок и выпустил первую газету под названием «Банги Хак». 28 марта 1923 года впервые был опубликован первый номер. Это была первая курдская революционная газета, и она считается первой газетой, которая была посвящена курдской революции и ее современной истории. Главным редактором этой газеты был выдающийся деятель, интеллектуал и журналист Ахмад Хваджа. Эта газета считается первым официальным органом Курдского освободительного движения в современной истории с целью раскрыть цивилизованное лицо движения шейха⁶.

Таким образом, В 20-е годы XX века попытка шейха Махмуда Барзанджи создать курдское правительство и национальное государство в «усеченном виде» — в основном на территории бывшего эмирата Бабаан со столицей в Сулеймании, присоединив к нему территории персидского Курдистана («Королевство Курдистан»), закончились неудачей. Королевство превратилось в failed state, а оба восстания шейха (1919 и 1922–1924 гг.) были подавлены.

Если легитимация Ирака берёт начало в антибританском восстании 1920 года, то курдский вопрос, инициированный шейхом Барзанджи, стал ключевым фактором в формировании современной политической карты региона. Историческая преемственность между ранними восстаниями и нынешними требованиями независимости Курдистана демонстрирует долгосрочное влияние этих событий.

Литература / References

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Russian State Archive of Socio-Political History]. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 43.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. Ф. 090. Оп. 4. Д. 27. Л. 45.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 39. Д. 52987.

Public Records Office (PRO), India Office Records (IOR): IOR/L/PS/10/756.

Public Records Office (PRO), India Office Records (IOR) “Kurds And Kurdistan Affairs”, 1919, p. 137–144 [Архив Индийского офиса в национальном Архиве Великобритании].

BOA, HR.IM. Box:13, Folder:28, 9 November 1922.

The National Archives, UK, FO 371/4191.

Курдское движение в новое и новейшее время / Отв. ред. М. А. Гасратян, М., 1987 [*The modern and contemporary Kurdish movement*. М. А. Gasratyan (ed). М., 1987 (in Russian)].

Мзюн. III. X. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991 [*Mgoi. Sh. Kh. The Kurdish national question in Iraq in modern times*. М., 1991 (in Russian)].

⁶ URL: <https://kurdshop.net/cn/geography/3305> (дата обращения: 18.06.2025).

- Ротштейн М. А.* На дипломатической службе. М., 1960 [*Rothstein. M. A.* In diplomatic service. M., 1960 (in Russian)].
- Bekket I. *The Future of Insurgency*. NY, 2006.
- Vertiaev. K. V. The Role of the Insurgent States in Kurdish National Movement. *Вестник ИВ РАН*. 2024. No. 3. Pp. 196–204 (in English)].
- Hart B. L. *The British Way in Warfare*. L., 1932.
- Hilmi R. *Yaddast*. L., 2017.
- Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. Vol. 5. Cambridge University Press, 2016.
- Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. Vol. 6. Cambridge University Press, 2016.
- Ch. Callwell. *Small Wars: Their Principles and Practice*. L., 1896.
- S. B. Eskander. *From Planning to Partition: Great Britain's Policy Towards the Future of Kurdistan 1915–1923*. Hawler, 2012.
- Ch. Townshend. *When God Made Hell: The British Invasion of Mesopotamia and the Creation of Iraq, 1914–1921*. L., 2010.
- A. T. Wilson. *Mesopotamia 1917–1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record*. L., 1931.
- McDowall D. *A Modern History of The Kurds*. I. B. Taurus, 2021. P. 169.

Электронные ресурсы / Electronic resources

<https://www.qdl.qa/en/archive>

<https://kurdshop.net/en/geography/3305>

<https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/>